

**Н. С. Лашенко, Совет по градостроительному развитию
Союза Московских архитекторов
М. Н. Гулари, Академия архитектурного наследия,
Совет по градостроительному развитию Союза Московских
архитекторов**

**МОСКВА КАК ПРОДУКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
СИНТЕЗА: «СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА
РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ**

На историческом материале авторы пытаются выявить условия органичного включения продуктов других культур в процесс формирования самобытного пространства столицы в контексте социокультурного синтеза и геополитической тектоники становления Русского мира, на знаковых объектах показать позитивный и негативный опыт, а также перспективы Москвы с учётом международного опыта.

Ключевые слова: образный строй Москвы, знаковый объект, социокультурный синтез, цивилизационная идентичность.

**Lashchenko Natalia Svyatoslavovna, Council for Urban
Development of the Union of Moscow Architects, Russia
Gurari Marc Natanovich, Academy of Architectural
Heritage, Council for Urban Development of the Union of
Moscow Architects, Russia**

Using historic approach, the authors try to identify conditions for achieving the organic inclusion of other cultures' (non-self) products in the unique space of the capital in the context of sociocultural synthesis and geopolitical tectonics of the Russian World genesis, to reveal positive and negative experience as illustrated by key symbolic sites, to examine prospects taking into account international experience.

Key words: imagery system of Moscow, symbolic site, sociocultural synthesis, civilization identity.

Цивилизационный проект всегда связан с ключевыми символами, несущими историко-культурный код рождающегося мира: через них задаётся программа развития, параметры общежития и связи с вечностью, способ оперирования пространством и бытия во времени. Далеко не всегда такая программа облечена в вербальное послание,

как Ветхий Завет, Евангелие или Коран. Эту функцию выполняет и архитектура, ведь она является важнейшей невербальной формой программирования социума - и через уникальные творения, даже историческая память о которых становится скрепой цивилизации, и через формирующие традицию стандарты и каноны, и через образный строй создаваемого пространства.

Уже на этапе принятия православия в X в. для градостроительного искусства Руси характерен продуктивный синтез – творческая адаптация «чужих» образцов, их оригинальная интерпретация. Возник ряд самобытных, отличных от всех исходных компонентов, артефактов новой архитектуры – постройки, ансамбли, целые города, воплотившие генотип рождающейся цивилизации. Облик исторических столиц Руси - Новгорода, Киева, Владимира, Москвы, С.-Петербурга – уникальный продукт синергии создания на разных этапах её становления как цивилизации. Квинтэссенцию этой способности претворять заимствованное в «свое», создавая доселе небывалое, олицетворяет ансамбль Московского Кремля и Красной площади – сакральное ядро Русского мира.

Как и кремли других городов Руси, он в корне отличается от феодальных крепостей Европы по социально-политической функции и месту в структуре города. Несмотря на некоторое внешнее сходство, это не европейский замок, защищающий феодала от враждебного окружения, не бург – «территория на которой, а не ради которой» трудился её космополитичный житель [1, с.449], а живое сердце города, общественный центр, открытый для всех соотчичей в мирное время и дающий убежище в военное. Его вертикальная доминанта не донжон (последний рубеж обороны хозяина), а общая святыня - колокольня Ивана Великого. Кремль, резиденция высшей политической и духовной власти, место церковных и земских соборов, вместил ключевые государственные и общественные институты, главные храмы и некрополи, жизненно важные производства, материальные и сакральные ценности и т.д. За несколько веков сложился уникальный и узнаваемый облик Кремля как государственно-политического, духовного и культурного центра, олицетворяющего единство в многообразии Русского мира. Кремль как камертон задал мерность, структуру и стилистику Москвы. [2, 3]

Образный строй Москвы уже с момента переноса кафедры митрополита Киевского из Владимира в Москву в н. XIV в. определялся державным вектором. В к. XV – н. XVI вв. политико-историческое обоснование ему дала теория «Москва – Третий Рим», которая предполагала как преемственность архитектурных образов

предтеч («чужое»), так и создание новой («своей») образно-символической системы столицы и её идеальную завершённость («четвёртому не бывати»). Всё это задавало очень высокую творческую планку в практике созидания.

Вынос в сер. XVI в. городского центра на Красную площадь с небывалым по композиции храмом Покрова был обусловлен не только ростом города, но и изменением геополитического статуса Москвы – началом превращения её в столицу евразийской империи с потенцией мировой державы. Этот храм, с его синергией западных и восточных мотивов, явил и сакральный образ Нового Иерусалима, и визуальный образ политической программы Московской Руси – неразделимое единство в неслиянном и сохраняющем уникальность всех компонентов многообразии.

За несколько столетий проявились собственные, исторически выверенные и узнаваемые, черты архитектуры столицы, сложились органичные московские ансамбли, выкристаллизовался образ города в целом. Если уйти от стилевых особенностей, то можно выделить несколько базовых качеств, присущих градостроительной практике Москвы, её культурно-историческую специфику: **просторность, панорамность, ценность ландшафтно-видового своеобразия как способ оперирования пространством, ячеистость как принцип структурной организации** (автономия селитебных пространств - монастырей, городских усадеб, подворий, слобод). Усадьба как самостоятельная пространственная и хозяйственная ячейка стала одной из основных градостроительных единиц Москвы, храмы с группирующимися вокруг них дворами (приходы) – структурно-территориальными единицами. Это отличает Москву от характерных для городов Запада и Востока «стен фасадов». **Мерность пространства**, заданная бытом земледельческой цивилизации («шаг лошади», длина бревна в срубе и др.) и спецификой ландшафта Русской равнины, предопределила **сомасштабность построек человеку**, изощрённую **пластику мелких объёмов** и отсутствие крупных (отсюда сухая геометричность, излишняя однородная протяженность, гиперболизированные габариты построек, нарочитая мегаломания чужды русской традиции).

Образ Москвы стал визуализацией национальной идеи: он складывается из целого ряда знаковых архитектурных символов разных эпох, отражающих становление Русского мира. Свидетели важных событий, они стали артефактами истории и культуры («сорок сороков» и кольцо монастырей, Театральная, Триумфальная, Лубянская и др. площади, Бульварное кольцо, созвездье парков и

садов от Александровского до Парка Победы, ВДНХ, Лужники и др. комплексы, «сталинские высотки» как коллективный памятник Победе в Великой Отечественной войне и т. д.).

В сер. XX в. архитектурные объекты, несущие символику Страны Советов, изменили Москву, включая сакральный центр страны – Кремль и Красную площадь. Несмотря на утраты, снос многих храмов и знаковых построек, связь времён не прервалась. В новых формах и в иных масштабах воспроизводились издревле присущие Москве столичные функции и её образный строй. Облик Москвы как мировой столицы получил развитие и в градостроительной стратегии, и в лучших творениях мастеров новой эпохи - А.В.Щусева, Б.М.Иофана, Л.В.Руднева, К.С.Алабяна, А.Н.Душкина и др. В разных стилевых направлениях они искали и находили оптимум между использованием «чужих» приемов и технологий, принципов формообразования и организации пространства и «своими» глубинными традициями, давая ответ на вызовы времени, социальные и идеологические запросы. Кардинальная градостроительная и технологическая реконструкция Москвы (В.Н.Семенов, С.Е.Чернышев, А.В.Власов и др.) восстановила простор как главный принцип её пространственной организации, сохранив центрическую структуру, социокультурную специфику столичной среды и в целом преемственность построения городского пространства в технических параметрах XX века.

Сохранению простора, панорамности, ландшафтно-видовых достоинств немало способствовало включение в границы города усадеб и зелёных зон, обустройство новых парковых территорий разного функционального назначения (ЦПКиО им. Горького и Нескучный сад, сады МГУ и ландшафтный парк на Воробьёвых горах, Сокольники, Измайлово и др.)

В 1990-х гг. наступил новый этап, связанный с внедрением рыночных отношений в градостроительство. Через управленческие по форме и прагматично-монетарные по содержанию решения идёт девальвация нажитого социоисторического и социокультурного потенциала столицы, десакрализация её символов, слом исторически сложившейся функциональной и пространственной организации, искажение образного строя Москвы – с последующим использованием «зачищенной» от историко-генетической информации территории под организуемое на принципах совместимости с «цивилизацией глобализма» коммерческое пространство, ценность которого определяется рыночной стоимостью и чистой прибылью на единицу площади. В отечественном градостроительстве преобладает

колониальный характер оперирования пространством: зрелая, ценная своим культурно-историческим наследием среда рассматривается как *tabula rasa*, объект не ограниченного никакими канонами переформатирования. [4, 5, 6] Бездумное внедрение чужого опыта организации пространства (плотная застройка, высотное строительство, идея выноса административно-политического центра в Подмосковье с последовавшим хаотичным его освоением и пр.), заимствование отдельных форм и приёмов плодит в Москве градостроительные и дизайнерские оксюмороны («фасадизм», включение инородных по стилистике и мерности зданий, а также велодорожек, временных инсталляций и т.п. в историческую среду, etc.).

Эклектичное внедрение наработок зарубежных архитекторов, вырываемых из широкого контекста породивших их культур (элементы «чужого» вне системы), при забвении собственных начал (субстрата «своего»), игнорировании социокультурных и социоисторических императивов, в начале 3-го тысячелетия привело к потере чёткого вектора развития столицы, грозя превратить Москву из исторического ядра самобытного геополитического и духовно-культурного образования в стандартно-безликую, вторичную эстетически и функционально сетевую ячейку глобальной урбанистической системы. Это наглядно выражено в создании новой, явно чужеродной градостроительной доминанты столицы – высотного комплекса Сити, в размещении под стенами Кремля парка-аттракциона «Зарядье», во «взломе» абриса исторически сложившегося музейного квартала ГМИИ на Волхонке, в методах благоустройства улиц и бульваров исторического центра и пр.

Сегодня всё, что работает против образа Москвы, накопленного ею за века политического и социокультурного капитала, работает против России, против её самости и единства. И напротив, опора на культурное наследие, творческое развитие традиции, неуклонное применение критерия уместности и сочетаемости со «своим» при заимствовании «чужого» может стать важным компонентом консолидации общества на здоровой и продуктивной основе, сыграть роль невербального компонента идеологии возрождения, как показывает опыт пошедших по этому пути стран. Историко-культурное наследие Москвы демонстрирует органичный синтез компонентов, взятых у многих культур, подлинную синергию созидания. Этот опыт высокой архитектуры должен служить ориентиром в поисках и реализации цивилизационной идентичности России. [7, 8, 9]

В любых проектах развития Москвы, должен доминировать императив сохранения культурно-исторической специфики, базовых принципов организации пространства, образного строя, сложившихся ансамблей, улиц, природно-исторических ландшафтов как материального выражения национальной идеи. Это залог неуязвимости при любой культурной агрессии, самоидентичности, солидарности и нормального развития общества.

Литература

1. Сеннет Р. Каждый сам себе дьявол: Париж Умбера де Романа // Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 449-467.

2. Гурари М.Н., Лашенко Н.С. Москва – лицо России, материализованный компонент общенациональной идеи // Национальная идея России: Материалы Всероссийской научной конференции, ИНИОН РАН, 12 ноября 2010 г. М.: «Научный эксперт», 2011. С. 483-487.

3. Гурари М.Н., Лашенко Н.С. Культурное наследие Москвы как ценность российского общества, носитель цивилизационной идентичности. // Материалы Всероссийской научной конференции "Глобальные тенденции развития мира". Москва, ИНИОН РАН, 14 июня 2012 г. М.: «Научный эксперт», 2013. С.1097-1111.

4. Лашенко Н.С., Гурари М.Н. Москва: 20 лет реформирования (От столицы мировой державы к рядовой инфраструктурной ячейке глобальной финансово-экономической системы) // От СССР к РФ: 20 лет - итоги и уроки. Материалы научной конференции (Москва, ИО РАН, 25 ноября 2011 г.). М.: «Научный эксперт», 2012. С.255-261.

5. Гурари М. Н., Григорьева <Лашенко> Н.С. Москва между прошлым и будущим: на перепутье цивилизаций // «Архитектура и строительство России». Август 2012. С. 2–12.

6. Григорьева Н.С., Гурари М.Н. Проект Большой Москвы в контексте глобальных процессов и вызовов современности. Доклад на X Конгрессе этнологов и антропологов России. Москва, 2-6 июля 2013. Тезисы, с. 2-3. Международный симпозиум. Секция 1. С.14.

7. Гурари М.Н., Лашенко Н.С. Роль ОКН в градостроительном развитии Москвы XXI века: социокультурные и социоисторические императивы // Градостроительные проблемы охраны наследия. Вып. 1-ый. НИИТАГ РААСН. СПб.: Изд-во «Зодчий», 2012. С.82 – 91.

8.Гурари М.Н., Лашенко Н.С. Культурное наследие как ориентир градостроительного развития Москвы XXI века // «Архитектурный вестник», 2012, №1 (124). С. 34-39.

9.Гурари М.Н., Григорьева <Лашенко> Н.С. Социоисторические и социокультурные императивы — основа формирования Большой Москвы XXI века // «Территория и Планирование», 2012, № 1 (37). С. 28-39.